

Буква «Ъ».

Тарнопольскій прорывъ съ звѣрствами дезорганизованной солдатской массы, московская рѣзня интеллигенціи и разрушеніе святынь, все это — глубоко трагичные моменты революціи. Окружающій насъ воздухъ дрожить отъ стона, плача и проклятій, земля подъ нашими ногами тонетъ въ крови, смѣшанной съ слезами. Скоро мы разучимся смѣяться; вольный веселый смѣхъ покинетъ славянскую душу, мятущуюся въ спустившемся въ нее безуміемъ.

Въ хмурую, сырую осень, осыпанные мокрымъ снѣгомъ, мы хоронимъ самое дорогое нашему сердцу: честь нашей родины, наши культурныя богатства, нашу молодежь. Кого мы еще вчера видѣли больными — сегодня уже на катафалкѣ, окруженные нѣмой, черною тоской. Въ этой трагичной атмосферѣ, въ этой сферѣ стонъ и воздыханій — какою злой насмѣшкой надъ нашимъ горемъ выступаютъ эти смѣшныя фигуры, этотъ грубый балаганъ, оскорбляющій наши чувства.

Вотъ молодой присяжно-повѣренный, котораго счастливо миновала тяжелая воинская повинность, въ роли главнокомандующаго десятиллионною арміей, при столкновеніи съ врагомъ совершающій опереточный побѣгъ съ переодѣваніемъ. Безграмотный солдатъ въ роли командира полка по избранію, съ тщетными попытками отказаться отъ тяжелаго для него почета. Служитель — въ должности директора Эрмитажа...

Въ этомъ шутовскомъ хороводѣ кружится и буква «Ъ». Она смѣется надъ нами, смѣется надъ нашими глупыми надеждами!

Вотъ мы по-дѣтски мечтали, что революція создастъ всеобщее обученіе грамотѣ, а вмѣсто него у насъ воцарилась и у грамотныхъ безграмотность. Сердитый учитель вдругъ снялъ свой вицмундиръ и облекся въ блузу, изъ чиновника превратился въ рабочаго, сдѣлавшись членомъ «профессіональнаго союза».

Раньше онъ все больше не позволялъ, а теперь онъ хочетъ, чтобы можно было дѣлать то, чего раньше нельзя было дѣлать. Въ одинъ прекрасный весенній день подъ звуки Марсельезы онъ явился въ классъ и разрѣшилъ «не ставить букву ять».

О томъ, что научнѣе не ставить буквы ять, объ этомъ рѣшилъ какой-то, никакого отношенія къ школѣ не имѣющій академикъ, а о томъ, насколько педагогиченъ экспериментъ молніеноснаго разучиванія тому, что считалось раньше неприложнымъ правиломъ, и что утверждается всѣми учебниками, которые можно дать въ руки учащимся, объ этомъ академикъ не думалъ, не думалъ объ этомъ и Мануйловъ и его послѣдователи или подчиненные. Глупое слово «педагогъ» съ самаго начала революціи сдано въ архивъ.

Дѣло обстояло такъ: между двумя партіями, ученической и учительской, шла война, учителя отстаивали ять, ученики шли противъ нея. Теперь вмѣстѣ съ социалистами побѣдили ученики, и ять исключена изъ программы учительской партіи.

Но, конечно, необходимо было установить болѣе точное, болѣе опредѣленное соглашеніе — такой побѣды нельзя было признать — писать «какъ хочешь»!

Доблестному генералу Верховскому приходится подумать о создании крѣпкой организаціи «демократической» грамматики.

Трудное дѣло — изыскать мѣры для окончательнаго изгнанія буквы «Ѣ», которая не только сама совершенно распустилась, влѣзая вмѣсто своихъ раньше насиженныхъ мѣстъ въ мѣста ей не положенныя, но еще совершенно дезорганизовала и остальные буквы.

Распалившаяся ять иногда дѣлаетъ урокъ чрезвычайно забавнымъ: выгнанная изъ тетради ученика, она попадаетъ на доску учителя, который съ веселымъ смѣхомъ долженъ извиниться передъ учениками за сдѣланную «ошибку», объяснивъ, что онъ такъ, какъ и они, еще учится «новому правописанію».

Вмѣстѣ съ учениками учитель можетъ также посмѣяться надъ отсталостью какого-нибудь Кирпичникова или заняться революціонной передѣлкой Пушкина или Гоголя.

Мы думали увидѣть Геркулеса, совершающаго двѣнадцать подвиговъ!..

Думали, что Министерство Народнаго Просвѣщенія свободной Россіи раскроетъ двери средней школы если не всѣмъ дѣтямъ бѣдныхъ классовъ, то наиболѣе способнымъ, создавъ інформаціонные органы, извлекающіе изъ соціальныхъ низовъ затеряшіеся тамъ алмазы.

Думали, что наряду съ нѣжною, трогательной и чрезвычайно дорогой заботой о матросахъ и солдатахъ, правительство позаботится и объ учителѣ, дастъ возможность, улучшивъ его матеріальное положеніе, сократить давящее его число уроковъ и освободить время для научныхъ занятій, что оно дастъ не только сколько, чтобы онъ не умеръ съ голоду, а чтобы могъ-бы еще подѣлиться кускомъ хлѣба съ голодающимъ ученикомъ своимъ.

Мы наивно рисовали въ своемъ воображеніи студенческія общежитія для болѣе бѣдныхъ и больныхъ студентовъ и студентокъ, или хотя-бы разработку проектовъ такихъ общежитій, спасающихъ самое драгоценное имущество нашей родины — интеллигентную молодежь.

Ждали также вниманія и къ молодымъ ученымъ, большее число стипендій для оставленныхъ при университетѣ. Готовились къ совмѣстной съ Министерствомъ работѣ надъ долгожданнымъ Университетскимъ Уставомъ.

Наше забѣгающее впередъ воображеніе создавало столько Академій Наукъ, столько университетовъ, видя усиленіе научной дѣятельности университетовъ въ благотворной обстановкѣ, созданной Свободнымъ Правительствомъ.

Оно представлялось намъ всѣми силами поддерживающимъ погибающія въ борьбѣ съ дороговизной заработной платы наборщика и бумаги научныя изданія и общества.

Мы видѣли это высоко-культурное Правительство раздувающимъ это гаснущее пламя знанія въ яркій, ослѣпительный свѣтъ, разгоняющій «мракъ, созданный самодержавіемъ».

Ахъ, если-бы обстановка не была бы такъ тяжела, если-бы улыбка не была бы диссонансомъ въ общемъ настроеніи гнетущаго горя, какимъ-бы гомерическимъ смѣхомъ пришлось бы разразиться, увидя вмѣсто ожидаемаго Геркулеса — этого маленькаго сморщеннаго карлика, этого социалистическаго ублюдка, побрякивающаго

шутовскимъ колпакомъ съ гордымъ сознаниемъ того, что онъ согналъ съ насиженныхъ мѣстъ, хотя еще не успѣлъ совсѣмъ выгнать, капризную букву!

Это ничтожное созданье могло бы еще показать свои матросскіе университеты, свой проектъ автономіи средней школы, лучшій перлъ для Сатирикона, — ставящіе школу въ полицейскую зависимость отъ органа, въ который входятъ въ преобладающемъ числѣ представители «Совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ» и всевозможныхъ политическихъ и профессиональныхъ организацій, учителя же только отъ профессиональнаго союза, одинъ родитель и — ни одного профессора!..

Россія теперь — это сплошное пожарище. Революціонный пожаръ сжегъ всѣ старыя постройки, но ничего не создалъ. Передъ нами великая задача строительства.

Можемъ-ли мы съ усталою, измученной душой и головою, еще объятай лихорадкою, начать строить «по новому» — не вернуться къ Старой, а создать Новую Россію? Двинется-ли Россія впередъ или-же остановится на мѣстѣ, отскочивъ «слѣва на право»?

Послѣднее мнѣ рисуется какъ наиболее вѣроятная картина. Обыватель бросаетъ политику и возвращается къ картамъ, учитель возвращается въ свой футляръ, профессоръ отказывается отъ опаснаго контакта съ студентами; краса русской революціи, кронштадтскій матросъ, обращается въ пьянаго мужиченку, клянчащаго двугривенный «на водку».

Вотъ только одна буква «Ѣ» не успокоится. Напрасно облаченный снова въ вицмундиръ и снабженный министерскими циркулярами учитель будетъ стараться загнать ее въ мѣста, положенныя ей этими циркулярами. Напрасно будетъ онъ увѣрять учениковъ, что съ окончаніемъ революціи возвращаются отмѣненныя правила о буквѣ ять.

Съ отмѣненной буквою ять окажется отмѣненнымъ и авторитетъ учителя, отмѣненною вѣра ученика въ учителя, вѣра въ то, что всякое правило, категорически объявляемое, — является правиломъ непреложнымъ.